

18+

ЮЛИЯ БУЛЛ

The image features two large, weathered wooden crosses standing on a dark, stormy background. The crosses are made of thick, dark wood and are mounted on stone or concrete bases. The sky is filled with heavy, grey clouds, creating a somber and dramatic atmosphere. The lighting is low, highlighting the textures of the wood and the stone.

БЕЛЫЕ КРЕСТЫ

Юлия Булл

Белые кресты

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71514964
ISBN 9785006512436*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Провинциальный российский райцентр, самый конец девяностых. Изнасилована и убита с особой жестокостью несовершеннолетняя девушка. Пока главный герой детективной повести ищет виновных и пытается восстановить картину совершенного преступления, автор выводит на сцену драму исторического момента, сконцентрированную в жизни и судьбах обычных людей.Для читателей старше восемнадцати лет.Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. На рассвете	5
Глава 2. Тревожный звонок	11
Глава 3. Слезы матери	16
Глава 4. Молчание ягнят	22
Глава 5. Поминки	32
Глава 6. Мнимый свидетель	46
Глава 7. Подозреваемый	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Белые кресты

Юлия Булл

*И нет ничего тяжелее на свете,
чем истерзанное сердце с закрытой дверью.*

© Юлия Булл, 2025

ISBN 978-5-0065-1243-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. На рассвете

До полуночи оставалось пятнадцать минут. Повода для беспокойства пока не было: дискотека до двенадцати, и еще на дорогу до дома время требуется, но Тамара уже места себе не находила. Ровно в полночь она набрала воды в чайник и поставила его на плиту. Поднесла горящую спичку к конфорке и повернула ручку регулятора, тут же появился синий огонек. Снова села за обеденный стол, периодически посматривая сквозь занавески в окно. Стрелки на часах показали начало первого. Тамара вышла во двор, приоткрыла калитку и стала прислушиваться. Где-то вдали раздавались голоса. «Молодежь домой идет с танцев, значит, и моя скоро вернется», – подумала женщина.

Громкая толпа молодых людей, поднимая лай дворовых собак, прошла мимо. Услышав знакомый голос соседской девочки Веры, Тамара окликнула ее:

– Вера, Вера!

– Да, тетя Тамар?

– А мою Аню ты не видела по дороге?

– Нет. Я ее сегодня вообще не видела.

– Как это? Разве вы не вместе домой возвращаетесь после танцев?

Вера, прошедшая мимо, бросила только:

– Уже давно нет!

Толпа направилась к реке. Два месяца лета пролетели, и молодежь ловила любую возможность оторваться на каникулах по полной.

Тамара вернулась в дом. Подбежала к тумбочке, где стоял телефон, и схватила трубку, судорожно соображая, какой номер набрать. Долгий гудок сменился прерывающимся пиканьем. Тамара положила трубку и достала из ящика записную книжку с номерами родных, близких и знакомых. Присела на табурет и стала просматривать записи. Еще раз взглянув на часы, стрелки которых показывали второй час, решила позвонить близкой подруге своей дочери.

Гудки шли, но никто не торопился брать трубку. И вдруг тихий голос ответил:

– Алло...

– Нина! Нина, это Тамара... меня слышно? Это Тамара Кравцова, мама Ани. Она не у вас? Наташа дома?

– Тамара? Нет. Нет у нас Ани.

– А Наташа? Она дома?

– Да вроде. Сейчас погляжу.

Раздался легкий стук, означавший, что собеседница положила трубку рядом с аппаратом. Тамара прислушивалась к каждому звуку на том конце провода: вот приглушенный голос Наташи, мать спрашивает ее про Аню, вот приближающиеся шаги. И вот Нина снова на связи:

– Алло, Тамара, моя Наташа уже спит. Сказала, что вечером видела Аню у «Гудка». Но на танцах ее не было.

– Как же так? Они же подружки. Они же везде и всюду, а тут вдруг – видела у «Гудка». Так они все там постоянно. Он же круглосуточный!

– Я тебе говорю как есть. Наташа дома. Про Аню ничего не знает.

Тамара повесила трубку. Подняла голову и посмотрела на календарь: 31 июля, 1999 год. Вновь пробежалась по записям в блокноте, но так и не выбрала, кому еще позвонить. Открыла ящик, чтобы убрать туда записную книжку, увидела фонарик и взяла его в руки. Еще немного о чем-то подумав, решила пойти на поиски дочери.

На улице было совсем тихо. На небе уже виднелись первые проблески рассвета. Женщина шла вдоль дворов, оглядываясь по сторонам, – ни души. Дойдя до перекрестка, увидела вдали светящиеся фары автомобиля. Скоро стали различимы музыка и смех молодежной компании. Не решившись приблизиться, Тамара, проходя мимо, только бросила в их сторону взгляд.

– Тамара Александровна! Это вы?

Женщина остановилась и обернулась на юношу.

– Павлик? Ты?

– Я! А вы чего ночью тут делаете? – Парень подошел к ней.

– Я... да вот... Аня моя что-то припозднилась. Никогда такого не было. А тут вот уже светает, а ее нет. А ты? С армии вернулся? По контракту вроде, говорили?

– Да. Отслужил. Если так можно сказать. В госпитале же я

был. Ранения. Но сейчас нормально. Вернулся вот. Война же. Знаете, наверное.

– Знаю. Война. Вроде сказали, что все, но что-то там у них не ладится, получается, все воюют. Их у нас тут, этих беженцев, все больше и больше. Вытворяют что хотят. Я за дочь волнуюсь.

– Так, садитесь в машину. Куда она вечером пошла?

– На танцы. В парке которые.

– Понял. В сетке.

– Ну да. До сих пор не понимаю, почему вы это сеткой называете.

– Ха-ха, ну так там забор рубчиком, выглядит как сетка.

– А-а-а...

Павел Орлов когда-то был учеником Тамары. Учился средне, но был очень хорошим человеком. Увлекался футболом и автомобилями. Парень рос в многодетной семье, где каждый ребенок занят делом по хозяйству. Как самый старший сын, Павел был ответственным за младших и главным помощником отца.

– Тамара Александровна, приехали. Только тут никого.

– Вижу. Пойду посмотрю, может, на берегу кто-то сидит. Там в глубине парка, где черная смородина, выход к речке.

– Я с вами.

Почти рассвело. Не обнаружив ни одной души, Тамара попросила Павлика отвезти ее к круглосуточному магазину, где обычно собиралась молодежь после дискотеки попить

пиво.

Но и у магазина никого не оказалось. Павлик что-то про-
бормотал себе под нос и предположил вслух:

– Может, она уже дома? Я сейчас у продавщицы спрошу,
кто был сегодня, может, она Аню видела.

Тамара наблюдала, как Павлик сунулся в маленькое окош-
ко, оборудованное в дверях для ночных смен. После чего
обернулся и помотал головой.

Доехав до своего двора, Тамара поняла, что Аня так
и не появилась. Свет на кухне, который женщина специаль-
но оставила перед выходом, продолжал гореть. На улице бы-
ли слышны первые звуки просыпающегося городка, и Тама-
ра серьезно забеспокоилась.

– Спасибо, Павлик, тебе. Времени уже вон сколько. Езжай
домой.

– Вы давайте не расстраивайтесь. Пили небось вчера дев-
чонки – может, заплохело и осталась у кого. Да вы же виде-
ли, я сам ночью с пацанами стоял и двух девочек к себе дер-
нули. Ну в смысле как дернули – они с танцев шли, мы их
и позвали.

– Аня не такая. Она же первое лето выходить стала. Сколь-
ко меня уговаривала. Но я запрещала. А тут исключение сде-
лала. На следующий год одиннадцатый класс, будет на при-
вязи сидеть. Готовиться! Никуда больше не отпущу!

– Ну будет вам. Вернется ваша Аня. Домашний арест –
и делов. Больше не будет такое исполнять. Вы мне позвони-

те, Тамара Александровна. Телефон у вас мой есть?

– Есть. Вы у меня все записаны. Да и у отца твоего мой муж прицеп арендует – мусор вывозим когда, ветки, старье разное.

– Хорошо. Не расстраивайтесь. И не переживайте.

Павел прыгнул в машину и уехал. Тамара посмотрела вслед сквозь поднятую столбом пыль и зашла во двор. Пройдя по дому и убедившись, что дочь не вернулась, села за стол и закрыла руками глаза, в которых наворачивались слезы.

В то же время на другом конце городка один из жителей направлялся на рыбалку со своей собакой. Пес был молодой и проявлял любопытство у каждого куста. Проходя плотину, пожилой мужчина заметил что-то на противоположной стороне, в низине, поросшей камышами. Приблизившись и хорошо присмотревшись, рыбак отшатнулся и закричал о помощи.

Глава 2. Тревожный звонок

В 5:59 утра в дежурную часть милиции второго отделения по городскому округу районного центра Зареченск поступил звонок, сообщавший о чем-то настолько ужасном, что настояжился и сам дежурный, принявший вызов.

Население Зареченска, самого крупного райцентра в области, было невелико. Звонок поступил из микрорайона, который местные называли и писали чаще всего как «триэмб». На самом деле это была аббревиатура ЗМБ, которая расшифровывалась как «Третья молодежная бригада». Район был застроен спустя несколько лет после Великой Отечественной войны, когда на восстановление городов и сел направлялись студенческие строительные бригады. Сам же Зареченск до 1960 года именовался станцией «Заречной» и был одной из самых крупных на данном направлении, с ремонтным депо и элеватором. В годы советской власти населенный пункт хорошо развивался, имел собственное производство, фабрики и высокие показатели по сбору урожая зерновых культур в сельских поселениях района. С годами население увеличивалось, шло строительство жилых кварталов, социальных объектов и досуговых мест. Обрастая инфраструктурой и пополняясь жителями, станция Заречная в какой-то момент получила статус города с названием Зареченск.

Район ЗМБ, расположенный на окраине города с выездом

к кладбищу и свалке, был густо застроенным частным сектором, но не имел при этом собственной школы, детского сада, почты, магазинов.

В то утро на место происшествия выехал дежурный патруль в составе двух человек. Один из них, разглядывая в машине карту, спросил другого:

– Что мужик имел в виду, ну, когда говорил про черенок от лопаты?

– Не знаю. Может, ему привиделось. Откуда там, в речке, в камышах, лопата? Как насочиняют, тоже мне.

– Ну, может, принесли туда. Лопата же, она как инструмент. И копать в огороде, и по горбу, если надо.

– Сейчас приедем и посмотрим. Следовательно пусть разбирается.

Уазик свободно курсировал по улицам городка. Людей практически не было видно. И неудивительно – воскресенье. Одни только продавцы местного рынка потихоньку волокли туда свои тюки и коробки, готовясь к базарному дню.

Спустя время водитель «бобика», как местные называли милицейский автомобиль, увидел в зеркало заднего вида вишневую «девятку»:

– Кажется, Козырев.

– Он самый, – подтвердил напарник. – Опять не со стороны дома.

– Они вчера его повышение отмечали.

– Перевод.

– Ну какая разница. Повышение же все равно. В большой город уезжает. Будет теперь в просторном кабинете сидеть, начальствовать. Вот только как он со своими бабами разберется? Жена, дети, так еще и с девкой молодой кружится. Официантка она, что ли?

– Администраторша. У местного чеченца вроде как управляет кафешкой и магазином. Товаровед, одним словом.

– А-а-а... Ну я просто видел, она в баре пиво наливала, подумал – официантка.

– Да у них там вечная запара: народу тьма, друзья хозяина постоянно просиживают, девок наших молодых таскают. Эта ведь тоже дружбу водила с братом хозяина, пока того не женили и не отправили в другой город.

– Кто – эта?

– С Козыревым которая сейчас. За нее же разговор начали. Ладно, черт с ними. Приехали.

На пяточке, куда прибыли «бобик» и второй автомобиль, собралась толпа, вытянувшаяся вдоль берега, где все заросло высоким камышом. Следователь Козырев вышел из машины и направился к двум милиционерам. Приблизившись, протянул руку и произнес:

– Утро доброе. Хоть и не совсем, я так понимаю.

– Приветствуем, Владимир Алексеевич. Сейчас народ разгоним.

– Ну не всех, только свидетелей, очевидцев оставьте. Понятыми будут. Кто обнаружил?

– Вон старик. На рыбалку топал, а тут такое.

– Понятно. Хорошо. Оцепляйте и ждем остальных. Я так понимаю, документов никаких?

– Да какие там документы. Посмотрите сами.

Козырев направился к месту, где виднелось что-то белое, подошел ближе и через секунду резко отвернулся. Протерев рукой потный лоб и лицо, подбежал к своему автомобилю и сдернул с подголовника пыльный китель, который обычно просто катался в салоне. Вернувшись, Козырев руками раздвинул заросли камышей, остановился, обернулся в сторону людей и закричал:

– Вон! Все вон! И подальше! Чего смотрим? отошли, говорю!

Один из милиционеров принялся отгонять зевак от плотины. Потом вернулся к следователю, спросил:

– Может, простыню у кого попросить?

– Не надо, уже кителем прикрыл, тут же все на виду. Устроили зрелище. Короче, где остальные?

– Вон на горизонте, кажется, едут. Вы бы это, застегнулись. У вас рубашка вся нараспашку. Может, водички?

У Козырева был вид человека с сильного похмелья, впрочем, так оно и было, но признаваться в этом представителю власти не хотел. Всю ночь пить и лечь спать под утро, а спустя пару часов быть разбуженным – в таком состоянии какой уж настрой на работу?

Козырев сел на землю, сложив руки на колени, и, при-

щуриив глаза, посмотрел на небо. Солнце припекало, словно и не восемь утра было на часах, а середина дня, когда столбик термометра в такое время года достигает сорока градусов.

– Товарищ следователь! – окликнули Козырева из толпы.

Козырев обернулся, пытаясь рассмотреть сквозь солнечные лучи кричавшего. Это была женщина, полноватая, невысокая, в халате, поверх которого был надет фартук. Она приблизилась, насколько было возможно, остановилась и произнесла:

– Я знаю, кто это.

– Кто это сделал?

– Нет. Кто в камышах. Вот смотрите, тут в газете нашей.

Глава 3. Слезы матери

В восемь утра заходивший в здание отделения милиции сотрудник обратил внимание на заплаканную женщину, стоящую у входа.

– С вами все в порядке?

– Я звонила, а мне сказали ждать. Я не могу больше ждать. Я всю ночь искала. Я всех подруг обзвонила. Всех, понимаете? А мне ваши говорят ждать!

– Ничего не понимаю. Чего ждать?

– Вот и я не знаю.

– Успокойтесь и объясните толком, что случилось.

В этот момент из отделения вышел другой сотрудник и включился в разговор:

– У женщины дочь с танцев вчера не пришла. Она ко мне сейчас в окошко подходила. А я ей говорю, что мало времени прошло. Может, загуляла, сейчас молодежь такая...

– Она не такая! – прервала его женщина. – Она не такая! Она у меня не курит и не пьет. Никаких парней у нее нет. Я ее вот только в этом году стала отпускать на танцы. И только в субботу! А вчера ее не было на танцах. Я даже боюсь представить, что произошло!

– Я вас услышал. Успокойтесь. Пойдемте со мной в кабинет. Киселев, возвращайся на место, там вон в дежурке телефон разрывается.

В кабинете Тамара немного успокоилась, надеясь, что нашелся человек, который ее выслушает и примет заявление. Мужчина усадил женщину за стол и попросил рассказать все с самого начала. Но едва Тамара приступила к рассказу, зазвонил телефон.

– Алло. Ну! То есть без сомнений? Да я за бланками заехал. Меня из дома дернули. Дежурный я сегодня. Ладно, скоро буду. Погоди... Молодая? Волосы какого цвета?

Женщина, насторожившись, сжала в руках носовой платок и сквозь слезы проговорила:

– Это насчет моей Ани? Да? Не молчите. Умоляю.

– Да... нет, вы давайте вот попейте водички и напишите все. Вы мне скажите только, сколько Ане лет?

– Ей в мае шестнадцать исполнилось. Она у меня самая...

– А волосы? Цвет как у вас?

– Нет. Я крашеная. А Анечка не красилась никогда. Все хотела, глядя на подруг, но боялась испортить. Она у меня светленькая. Волосы длинные, светло-русые.

– А вчера, вы говорите, она пошла на дискотеку?

– Да. Как обычно ушла, часов в шесть. В субботу я ее отпускаю в это время. Она к подружке обычно заходит. У той косметики разной много, вот они там и красятся. Но сейчас все красятся в таком возрасте. Я не возражаю. В обычные дни она только реснички подводит. Танцы вроде как в девять начинаются.

– А с кем ходит? Подруг ее вы знаете?

– Знаю конечно. Я же им в первую очередь и стала звонить. Как только поняла, что задерживается, сразу стала звонить! Но они сказали, что на танцах ее не было, представляете. Но вот Наташа, это ее подружка близкая, сказала, что видела ее у «Гудка». Это...

– Я знаю. Там вся молодежь собирается. Пиво на розлив продают. И колбаску продавцы режут под водку, если попросить. Но я не к этому. Просто место известное.

– Вы знаете, я даже ночью туда пошла. По дороге встретила своего бывшего ученика. Он мне помог искать. Возил меня по городу.

– Возил, говорите? А он с Аней вашей знаком?

– Нет. Он постарше. Видел, может, совсем девчонкой. Павлик давно школу окончил. Он из армии вернулся.

– Вы мне этого Павлика контакты на всякий случай дайте.

– Хорошо, сейчас запишу.

– И еще этой вот подруги – или кто она там.

– Я вам могу прямо списком написать, с кем близко Аня общалась, я всех знаю.

– Вот и хорошо. Вы мне здесь вот все и напишите. А я сейчас схожу возьму кое-какие бумажки, и поедем искать вашу Аню.

Тамара оживилась после последних слов и даже приободрилась, видя, что кто-то ей хочет помочь. Дописав последний номер телефона, она встала из-за стола и протянула лист только что вернувшемуся в кабинет мужчине в погонах.

– Вас как зовут?

– Тамара Александровна я.

– Хорошо, Тамара Александровна. А я Игорь Петрович Шмидт, капитан милиции, старший оперуполномоченный отдела уголовного розыска нашего РУВД, будем знакомы. Следуйте за мной.

Во внутреннем двореке капитан указал Тамаре на автомобиль и попросил подождать его еще немного. Женщина села на переднее сиденье. Оттуда ей хорошо было видно, как из здания выбежал и куда-то понесся парень в форме. За ним еще один. «Странно, – подумала Тамара, – воскресенье, а такая суета». Водительская дверь открылась, и капитан Шмидт сел за руль.

– Тамара Александровна, а супруг ваш где?

– Он работает. В другом городе. Здесь у нас с работой сами знаете.

– Понял. То есть в настоящий момент он не дома.

– Нет. Через две недели вернется.

– Мы сейчас с вами до одного места доедем. Там посмотрим. Хорошо?

– Конечно, конечно. Я вам очень благодарна за ваше содействие.

– Да не надо. Это работа моя.

– И все же спасибо вам большое.

– У вас есть знакомые или друзья, может, родственники в районе ЗМБ?

– Родни нет. Я сама не местная. Замуж вышла и переехала. Родители и родственники в другой области живут. У мужа родители в селе Калинино, домик у них с огородом, сад большой. Ученики мои бывшие в том районе – там же школы нет, так они в нашу все ходили, самая ближняя для них.

– Понял. Ну хорошо.

– А что? Почему вы спрашиваете?

– Да так. Туда едем.

– Я это уже поняла. Городок-то у нас маленький, все дороги знаю – вижу, куда едем.

Они ехали, минуя улицу за улицей, и Тамара вдруг насторожилась, увидев вдали столпившихся людей. И смущало больше не то, как кружком собрались женщины и дети на велосипедах рядом, а количество машин и людей в форме.

Капитан Шмидт едва успел затормозить и выдернуть ручник автомобиля, как Тамара уже выскочила из машины и бросилась к камышам.

Видя бегущую женщину, присутствующие не знали, чего ждать. И лишь только один Козырев успел быстро среагировать и подбежал к Тамаре, преграждая ей путь. Стиснув ей плечи, Козырев пытался удержать ее, не давая возможности приблизиться к камышам.

– Там Аня? Да? Не молчите! Что? Ну что? Не молчите! – Тамара с хрипом сквозь слезы кричала и требовала отпустить ее.

– Вместе пойдем. Хорошо? Вместе! Я с вами!

Козырев, поддерживая ее рукой, подвел к камышам. Тамара замерла на месте и тут же потеряла сознание.

Глава 4. Молчание ягнят

Козырев сидел за столом, разглядывая календарь, висевший напротив. Потом поднялся, подошел и сорвал листок с июлем. Постоял немного лицом к стене, читая что-то на сорванном листке, обернулся к присутствующим в кабинете и произнес:

– Первое августа сегодня. Эксперт сказал, смерть наступила вчера. – Козырев вздохнул и вернулся на свое место.

– Что с матерью, Владимир Алексеевич? – задал кто-то вопрос.

– Не знаю. На «скорой» увезли. В себя пришла, но бредит. Велели пару дней не беспокоить. Завтра утром решим, когда к ней пойдем. Вот тут у нас телефоны подруг имеются. Надо бы с ними пообщаться. С кем-то, видимо, с разрешения родителей придется.

– Володя, давай я подключусь. Я ведь сам попросил мать погибшей этот список написать. Нам бы найти кого из близких. Может, коллеги или подруги у Тамары Александровны есть. Надо еще отцу девочки сообщить. Он у них на заработках. Может, соседи в курсе, как с ним связаться.

– Да, сейчас попробуем распределить задачи. Тех, кто тесно с погибшей общался, надо будет вызывать сюда, допросить. И хотелось бы заключение экспертов получить.

– Что за черенок у нее в промежности был? – задал вопрос

один из оперативников.

– Да черт его знает! Это каким же уродом надо быть, чтобы такое сотворить. И где ее одежда? Рядом так и не нашли? Изнасиловать, избить и добить! – возмутился Шмидт.

– Да мы тут все в шоке. Первый раз такое на моей памяти. Всякое было, но вот так по-зверски, еще и над телом надругаться, какую-то палку вставлять... – включился в разговор начальник отдела.

– Не над телом. Она еще живая была, все глаза кровью залиты, но это пока предположения эксперта. Короче, ждем заключения, – прокомментировал Козырев.

Новость облетела Зареченск с самого утра понедельника. О произошедшем знали все. Об этом говорили везде. На автобусной остановке и в общественном транспорте. В очереди в сберкассе и поликлинике. Все обсуждали, а главное – хотели знать, кто же совершил страшное убийство.

Родители запретили девочкам выходить вечером дальше собственного двора или улицы. Слухи пошли, что в городе завелся маньяк, насильник, нападающий на юных девиц.

На раннем совещании у прокурора собралась вся группа по работе с данным делом. Козырев изучал заключение экспертов и протокол осмотра. Надо было с чего-то начинать, но больше всего хотелось побыстрее найти виновного, желательно до сентября, ведь через месяц следователь Козырев должен вступить в новую должность на новом месте.

По окончании встречи, дождавшись, когда все выйдут из кабинета, Козырев обратился к прокурору:

– Вячеслав Иванович, что же делать? Дело-то серьезное.

– Что ты, Владимир Алексеевич, кручинишься? Подхватишь его сейчас на первых порах, а выйдет Максим Леонидович из отпуска, ему и передадим, как раз и срок твоего переезда подойдет. И ты давай уже там жизнь налаживай свою. С женой-то живешь?

– Живу.

– Вот и хорошо. Все-таки дети. Трое тем более. Молодые девки во всех городах есть. Не вздумай эту официантку с собой тащить.

– Она не официантка. Да это неважно. Разберусь я. Не маленький.

– Не маленький, но натворить дел успел. Жена твоя звонит постоянно. Грозит письмо куда надо написать, если мы меры не примем. Ты уж поговори с ней. Мы уже давно не в Советском Союзе, воспитанием твоим заниматься никто не будет. Ты, Володя, парень с головой, не дурак. Тебя когда к нам прислали, я сразу понял: умный, сообразительный, такие на вес золота. Я же как лучше хочу. Мужик ты или нет? С бабами своими разберись!

– Я вас услышал, Вячеслав Иванович. Поговорю с женой. Она после последних родов совсем что-то сдавать стала. Поговорю, обещаю, а сейчас пойду – кажется, с отцом погибшей связались, должен приехать завтра.

– Это хорошо. Насчет этой Тамары... как ее там...

– Александровны.

– Да, точно. Я ее не знаю, жена моя вроде как дочку к ней водила на занятия домашние. Она учитель английского, что ли. Ты узнай, как она. У них же еще сын был, вроде как погиб в Чечне или что там, не помню точно. Еще в прошлом году это было.

– Сын? Не знал. Ничего себе... Я сам в больницу поеду, попробую поговорить с ней.

– Действуй как считаешь нужным. Найдите виновных.

Козырев вышел из кабинета и направился к лестнице. Уже на пролете между вторым и первым этажами он столкнулся с женщиной и молодой девушкой. Посмотрел на обеих и, пропуская их, отступил к стене. Спустившись на пару ступеней, затормозил и глянул из-за перил вверх. Немного подумав, развернулся и снова поднялся на второй этаж. Пройдя узкий коридор, выкрашенный синими панелями, дошел до кабинета, около которого сидели та самая женщина и девушка. Козырев откашлялся и обратился к двум незнакомым особам:

– Вы ко мне?

– Не знаю, внизу сказали в этот кабинет подойти. Нам звонили. Я сама предложила приехать с дочерью. Дома у нас папа. Он сегодня выходной после ночной смены. Не хочется дома, понимаете?

– Я вас понял, проходите.

Козырев дернул ручку, немного приподняв дверь, чтобы низом она не задевала обшарпанный линолеум, и пропустил женщину с дочерью. В кабинете было прохладно – открытые окна выходили во внутренний дворик, где в первой половине дня была тень.

– Присаживайтесь. Вы представьтесь, кто вы и по какому вопросу вам звонили.

– Меня зовут Нина Константиновна, а это моя дочь Наташа. Она с Аней Кравцовой в одном классе учится, прости-те, училась. Подружки они. В субботу Наташа пришла домой после танцев как обычно. Разве что немного задержалась. Я ведь понимаю: идут компанией не торопясь; пока поболтают, по очереди каждого до двора проводят, всем же по пути. А я когда ее голос слышу за двором, так сразу успокаиваюсь – значит, можно сказать, дома. Да я же все понимаю – молодость. Я тоже...

– Извините, что перебиваю. Пусть Наташа сама расскажет.

– Я же вам говорю. Они подружки в школе, но в субботу Аня у нас не была. Не ходила она на танцы.

– Я это слышу от вас, а хочу услышать от Наташи.

Козырев перевел взгляд на девушку в короткой майке и юбке с изображением лимонов, надеясь услышать что-то вразумительное. Наташа все это время сидела рядом с матерью, стиснув кулаки. На следователя глаз не поднимала, лишь изредка посматривала на мать.

– Наташа, а ты ведь видела Аню в тот вечер там, у «Гудка», да?

– Да, но мы просто поздоровались, и все, больше ее я не видела.

– А в чем была Аня? Ну, в чем была одета?

Наташа растерянно посмотрела на мать, потом на Козырева.

– Неужели не запомнила?

– Кажется, в юбке... и топик белый.

– Топик – это что?

– Майка такая без лямок.

– А юбка какого цвета?

– Цветная.

Козырев встал из-за стола, сообщил, что сейчас вернется, и вышел из кабинета. Быстро спустился к дежурному и потребовал найти заявление, которое приносила мать погибшей. Тот посмотрел на следователя округлившимися глазами:

– Так мы же его не приняли. Она потом с Игорем Петровичем ушла и...

– Но куда-то заявление дели. Ты же его показывал Шмидту? Он его с собой забрал?

– Нет. Он женщину с собой в кабинет повел, новое будто писать или чего там, не знаю. А то, что она написала, это даже не заявление, а так, записка. Ну там имя, фамилия, возраст, описание и фотография.

– Где это все?

– Здесь, наверное, где-то лежит.

– Ищи! Мне нужно это все. Игорь сказал, что мать описание дала.

С заявлением и фото погибшей Козырев тут же направился обратно к себе в кабинет, читая на ходу: «...Кравцова Анна Романовна, 15 мая 1983 года рождения... была одета в белую майку и юбку с завязками, на которой изображены желтые лимоны...» «Будто лимоны бывают другого цвета», – подумал он про себя. Уже возле самого кабинета Козырев поглядел на фото погибшей. На него смотрела совершенно юная красавица, от которой так и веяло целомудрием и чистотой.

Спрятав все в карманы брюк, следователь открыл дверь, извинился за свое отсутствие и продолжил допрос:

– Наташа, а вот вы встретились у «Гудка» вечером, верно?

– Да. Она подошла, поздоровалась и ушла.

– А днем вы виделись?

– Нет. Мы не виделись днем.

– Мама Ани утверждает, что она ушла около шести часов вечера. Обычно ведь это время до начала дискотеки Аня проводила у тебя?

– Раньше было такое, но потом нет.

– А когда последний раз у тебя была Аня?

– Кажется, на День молодежи.

– Так это же в июне, получается. Месяц тому назад?

– Ну, получается, да.

В их диалог вклинилась мама Наташи:

– Аня действительно была у нас последний раз давно. Да и Наташа сейчас дружит с другими девочками. Аня была в июне – это я точно помню. Я тогда еще печенье пекла. Чай они пили. Соседские девочки у нас были. Они потом все пошли в городской парк на праздник. Но больше Аню я у нас не видела. Встретила ее как-то с мамой на рынке и все.

– Хорошо, Нина Константиновна. Я с вашего позволения задам еще один вопрос вашей дочери.

– Я вам говорю, у нас Ани не было.

– Я это услышал. – Козырев немного повысил голос, а потом спокойным тоном обратился к Наташе: – В тот вечер у «Гудка» Аня была одна?

– Да. Она была одна.

– Хорошо. Можете идти.

Женщина с дочерью вышли из кабинета. Козырев подошел к открытому окну и взял в руки пачку сигарет, но отложил ее в сторону и вынул из кармана листок с фотографией. Мысли в голове не могли собраться в кучу. Козырев вернулся к столу и только собрался прочитать протокол допроса, как вдруг зазвонил телефон.

– Алло. Да, Игорь, слушаю.

– Алексеевич, были у соседки погибшей – вроде как они общались, друг к другу ходили, но, как утверждает девчонка, давно уже не было такого тесного общения. Мол, последний

раз на речке вместе были в середине июня. Про последний месяц ничего не знает, да и вообще редко видела Аню.

– Понял. Странно это все. Никто ничего не видел. Я так понял, что третья в списке контактов тоже ничего не знает?

– Я сам с ней не общался, но мать ее по телефону ответила оперативнику, что дочь вообще к бабушке уехала и понятия не имеет, где Аня и чем занималась этим летом.

– Не понимаю я ничего. Будто весь июль Аня сама по себе была. Так ведь не бывает. Она же матери говорила, что идет к подружкам. На танцы. С кем-то же она общалась?

– И складывается ощущение, что все эти подружки знают с кем. Но говорить нам об этом не хотят. Мекают, словно ягнята.

– Да, так и есть. Тут сидела близкая подруга сейчас у меня. Приходила с матерью. Мать не давала ей толком ничего сказать. Все одно твердила: ничего не знаем, ничего не видели. И еще одна странность есть, пока не могу ее объяснить.

– Какая?

– Ты ведь в воскресенье утром встретил мать погибшей у входа, когда та обратилась в дежурку и оставила заявление?

– Да, но там даже не заявление, а так, данные по девочке.

– Ну да. В частности, описание, в чем была Аня в тот вечер – в юбке с лимонами. Ты мне сам об этом потом сказал.

– И в чем странность?

– Понимаешь, вот эта подружка Наташа, она пришла в юбке с лимонами, точно такой же, как в описании.

- Ну, может, они купили две одинаковые. Как подружки.
- Может. Но пока не уверен. Давай в больнице встретимся, узнаем, как там мать, а дальше уже посмотрим.
- Хорошо. Кстати, хоронить завтра будут.

Глава 5. Поминки

У ворот дома, где жила Аня, с самого утра собирались люди. Калитка и входная дверь в дом были нараспашку. На крыльце стояла крышка от гроба, а рядом – венки от родных и близких. Все ждали положенного часа, когда будут выносить тело, и обсуждали случившиеся, вспоминали, какая девочка Аня была при жизни.

Вдруг из толпы вышла женщина преклонного возраста и приблизилась к Козыреву.

– Вы ведь следователь, да? Я директор школы, где Аня училась и где ее мама работает учителем.

– Да, здравствуйте. Говорят, Аня хорошо училась и была участницей олимпиад.

– У Ани был большой потенциал. Со своими успехами она бы в жизни многого добилась, если бы не эта трагедия. Такое горе, конечно. Аня участвовала не только в школьных олимпиадах, она еще и победительница областного конкурса, класс фортепьяно. В газете об этом даже писали.

– Слышал я про газету. Видел, точнее. Какие у нее были отношения с одноклассниками? С учителями, я так понимаю, хорошие?

– Учителя Аню любили. С одноклассниками, думаю, тоже все было хорошо, по крайней мере, прецедентов не было. Вы же понимаете, обычно учительской дочери или сы-

ну поблажки делают всякие, но это не про Аню. Она все сама, это честно. Мама ее, Тамара Александровна, очень хороший педагог, да и дети ее очень любят. Коллеги по работе уважают и многие обращаются за помощью – подтянуть их чадо по иностранному языку. Сейчас весь мир учит английский, не удивлюсь, что однажды мы забудем свой родной язык и перестанем быть нацией. На прилавках в магазинах весь шоколад, вся химия – да все уже на чужом языке.

– Возможно, в двадцать первом веке так и будет, как вы говорите, но давайте вернемся к событиям последних дней. Что вы можете сказать про подруг Ани? В частности, про Наташу Попову?

– Обычная девочка. Правда, учится слабо; учителя говорят, ленится много, на уроках ворон считает. Да вы спросите классного руководителя, она тоже сейчас здесь.

– Думаю, не стоит здесь больше привлекать внимания. Вы попросите учителя со мной связаться, а лучше подойти ко мне завтра. У вас же сейчас каникулы?

– Каникулы у детей, а у нас в порядке очереди отпуска, но не переживайте – я попрошу. Так даже лучше, что у вас в кабинете. А то тут и правда не место, да и не время. Вы не знаете, как Тамара Александровна себя чувствует? Мне сказали, ее сегодня домой привезли на «скорой».

– В сопровождении медика. Врач говорит, что-то вроде шока у нее, она все эти дни молчит, даже не плачет.

– Так и есть, не плачет. У гроба сидит, с места не двига-

ется. Платком черным укутана, а дочь, словно невеста, вся в белом. Даже веночек смастерили. Вы знаете про обычай?

– Какой обычай?

– Если умирает девушка, не успевшая связать себя узами брака, ее принято хоронить в свадебном платье.

– Что-то слышал об этом. Спасибо за разъяснения. Кажется, нам пора, люди со двора выходят.

Козырев попрощался с директором школы и стал наблюдать за происходящим.

Ко двору со всей улицы подтягивались соседи. На дороге в ожидании церемонии вышли четверо ребят с цветами в руках. Небо было затянуто тучами, и, хотя дождем не пахло, кто-то из толпы произнес: «Даже небо плачет». Козырев, разглядывая присутствующих, заметил подруг погибшей – Наташу, Веру-соседку и еще двух девушек, первых из списка друзей. Он снова попытался понять, что именно его смущало в их показаниях, и принялся мысленно выстраивать картину того злополучного вечера, но его вдруг прервал оперативник:

– Владимир Алексеевич, вопрос есть, я насчет комнаты девочки.

– Что-то нашли? Вчера ребята мне сказали, ничего необычного, все как у любой школьницы.

– Вы знаете, так и есть. Дневника или записной книжки не было, только девчачьи анкеты. Вы просили из них выписать сведения о близких подругах: их интересы, любимое

имя мальчика – все то, о чем на допросах не спрашивают. Тетради, книги, журналы какие-то и вырезки находятся сейчас на изучении, но по предварительным данным там тоже ничего необычного нет.

– Тогда в чем вопрос?

– Понимаете, у меня есть младшая сестра, ей тринадцать лет; когда родители погибли, я взял ее под опеку как старший брат. Живем мы с ней вдвоем, она вообще у меня молодец, по дому все делает, готовит, убирает. У меня, кроме нее, больше и нет никого. Так вот, она однажды утром в туалете закричала, я к ней бросился, стал в дверь стучать. Она, когда открыла, вся заплаканная, по ногам кровь течет, я, если честно, сам сначала испугался, а это оказались простые месячные, первый раз пошли. Вы извините, что я вам вот так в подробностях. Так вот, у погибшей, у Ани, я обнаружил в шкафу спрятанные кровавые трусики. Они были завернуты в носовой платок и лежали в коробке среди вкладышей от жвачек и оберток шоколада. Кстати, все обертки подписаны датами, вам доложили?

– Датами? Что за даты?

– Самая ранняя на «Альпен Гольд» с изюмом от первого мая.

– С изюмом, говоришь, первого мая. Находку экспертам отдал?

– Отдал, конечно, ну то есть Игорь Петрович забрал.

– Да, он что-то говорил про нее.

– Я просто почему рассказал вам про сестру свою и про то, что нашел у Ани в шкафу: зачем шестнадцатилетней девочке прятать кровавое пятно на белье? Мать же ей, наверное, рассказала про месячные, это нормально, так со всеми девочками происходит.

– Не факт, что это были месячные.

– А что?

– Вариантов немного, подождем заключение эксперта.

С этими словами Козырев направился к своему автомобилю. Спустя время он был на кладбище, где над открытым гробом слышны были плач и слова прощания. Осматривая еще раз всех присутствующих, он остановил взор на матери погибшей. Тамара не издавала ни звука, окружающие просили ее подойти ближе к дочери и попрощаться. Но женщина, не меняясь в лице, продолжала стоять на одном месте. Когда гроб стали закрывать, отец покойной заплакал. Тамара среагировала и обратилась к мужу:

– Я хочу домой. Скоро Аня придет, а у меня ужин не готов.

Все тут же на нее обернулись. Одна из женщин взяла Тамару под руки и подвела к гробу. Убитый горем отец не понимал, что происходит, и пытался объяснить жене, что их дочери больше нет.

Аню Кравцову похоронили рядом с братом.

Козырев не стал дожидаться окончания церемонии и уехал. По дороге в отдел он все думал о своей жизни, про-

фессии, семье, о приближающемся переезде, но мысли то и дело возвращались к убитой Ане Кравцовой.

Возле магазина, у которого следователь остановился, чтобы купить сигарет, к нему подошел мужчина кавказской национальности.

– Алексеевич, совсем не бережешь себя. Смотрю, туда-сюда по городу мотаешься. Заехал бы к нам в кафешку, шашлык покушал, отдохнул.

– Некогда отдыхать, Рамзан. Как с работой будет проще, так заеду сразу же.

– Ты, говорят, уезжать от нас собрался. Это хорошо, но не забудь о моей просьбе – все-таки племянник. Ну повздорили ребята, с кем не бывает. Он же старший сын у сестры моей, отца нет, мне их на ноги поднимать. Алексеевич, надо помочь, слышишь?

– Я помню наш разговор. Вот только как объяснить матери того мальчишки, что сын ее на всю жизнь инвалид? Ваши толпой ходят. Чем помешал паренек? Шел, никого не трогал.

– Слушай, трогал не трогал – какая разница, я тебе говорю: вопрос реши как надо, а там дальше смотреть будем. Ты уезжаешь скоро, вот до отъезда и реши. Проводы тебе соберем, барана закажем, все как надо, для человека хорошего ничего не жалко.

– Мне пора, Рамзан.

– Я и не задерживаю. Кстати, забыл сказать: жена твоя, кажется, приходила сегодня к нам. Ну не к нам, а... ты понял.

– Понял. Разберусь.

– Конечно разберешься.

Мужчина похлопал Козырева по плечу и отошел к своему автомобилю. Козырев посмотрел вслед Рамзану и задержался взглядом на номерах. После чего купил в магазине сигареты и бутылку минеральной воды и отправился в отдел.

На входе Козырев встретил капитана Шмидта и удивился:

– Ты не на поминках?

– Не смог остаться. Заехал в столовую, посмотрел только на народ. Все свои, сказали соседи, малознакомых и посторонних не было. Вот, правда, что-то с матерью там совсем плохо. Будто разума лишилась.

– Да я в курсе, на кладбище видел, что она того. Тебе коробку дали. Что-нибудь интересное нашел?

– Нет пока, да и времени не было, если честно. Я тут с бумажками с самого утра бегаю по личному вопросу.

– Что за бумажки?

– Вызов пришел. Срок на все про все «чем быстрее», как говорится.

– Вызов – в смысле в Германию?

– Ну да, вот ждали же. Дом почти продан, сейчас у тещи будем жить. Мои рады, конечно, жена вещи распродает, посуду там всякую. Тебе не надо случайно?

– Нет. Давай коробку посмотрим.

– Давай, конечно. К тебе пойдём или у нас в кабинете?

– Давай ко мне, наверное. Надо же было так всем нам в од-

ном здании оказаться. Ни в одном соседнем районе такого нет, чтобы все структуры под одной крышей.

– Обещали, что расформируют. Время такое сейчас. Старое отделение милиции с древних времен стояло, проводка уже ни к черту, вся на изолянте, так нет же, понатащили оргтехники этой современной, оно и не выдержало. Все сгорело одним днем.

– Может, и расформируют. Но, я так понимаю, мы с тобой свидетелями этого дня не будем.

– Верно говоришь. Ты уже в сентябре уезжаешь, а я вот тоже, как говорится, не сегодня – завтра.

– Слушай, я только что Рамзана видел, номера у него новые.

– Они как обезьяны друг перед дружкой! Увидел, что Умаров новую тачку пригнал и номер получил блатной, и не «зеркальный», а с первыми двумя нулями, так побежал к «гайцам», возмутился, почему ему в прошлый раз сказали, что нет возможности такие выдать. Умаров, мне кажется, уже все номера красивые забронировал под свое семейство.

– Ну этот тоже нашел с кем тягаться. Все знают, какой вес Умаровы имеют.

– Знают, и мы с тобой знаем, но лучше об этом молчать. А вот насчет племянника Рамзана надо бы вопрос закрыть, а то ведь сам знаешь.

– Решим. Помню я про этого придурка. Сколько он жизней загубит, если вот так все ему с рук спускать. Буквально

весной старуху сбил насмерть – и тут вот пацана молодого пырнул.

– Слушай, пацана жалко, за старуху родственникам денег дали, но мы не можем за всех отвечать и сами страдать. И потом, не мы приказы отдаем – сам знаешь, что да как и какие договоренности с вышестоящим руководством.

Козырев воздержался от комментариев на последние слова Шмидта и предложил приступить к изучению содержимого коробки.

Каждая обертка была подписана разными датами в сопровождении букв «У» и «А». Козырев выписал все даты в последовательности. Тут же в коробке он нашел маленький календарик хозяйки с изображением кролика, на обратной стороне некоторые числа были отмечены крестиком. Сравнив их и даты с шоколадных оберток, он обнаружил, что они частично пересекаются. Одно число было обведено кружком красной ручкой. Рядом изображено сердце и снова две буквы «У» и «А». Даты на обертках в основном выпадали на выходные или праздничные дни. Лишь две выбивались – четверг и пятница, за неделю до смерти Ани. На карманном календарике они были обведены в кружок с квадратом обычной ручкой, которая, судя по всему, мазалась сильно, подумал Козырев, пытаясь разобрать эти странные мистические символы.

Среди прочего Козырев обратил внимание на маленькую коробочку, от которой шел приятный запах. На упаковке бы-

ло изображено лицо, внутри находился миниатюрный флакон духов, формой напоминающий женские губы, а крышка флакона соответствовала форме человеческого носа. Повертев в руках коробку, Козырев заметил на ее дне надпись: те же самые буквы, что и на обертках, уже больше похожие на инициалы, и дата рождения покойной Ани. Взглянув на Шмидта, Козырев спросил:

– Есть предположения, кто этот загадочный У. А.? Список одноклассников и старшеклассников сверили?

– Сверили. Ни одного совпадения. И странно, почему подруги не знают о наличии молодого человека у Ани.

– Может, и знают, но молчат. Может, это далеко и не молодой парень.

– Что ты имеешь в виду – не молодой?

– Коробка с духами. Это не дешевая туалетная вода, которую можно на рынке купить. Такие духи продают в дорогом отделе парфюмерии в больших городах. У нас в городе не так много специализированных магазинов, но есть один, там по благу и под заказ можно.

– Откуда ты знаешь, сколько они стоят?

– Просто поверь тому, что я говорю. Знаю, и все. Кроме духов тут еще полно оберток от шоколадных плиток. Много ли ты знаешь молодых пацанов, которые могут себе позволить потратить деньги на такие подарки? Вот, к примеру: купить две бутылки пива или одну шоколадку – чувствуешь разницу? Вот ты детям часто покупаешь шоколад? Старше-

му, наверное, уже неинтересно?

– У меня этим жена занимается. Старший тот еще сластена. Что-то покупает им, но не часто, конфеты там всякие в вазе у нас есть, а такой шоколад и все эти батончики новомодные – каждый день, конечно, не имеем возможности. Вот уедем скоро, там-то уже раздолье моим будем! Каждый год родня посылки присылает, полные коробки конфет, вкусные такие, а главное...

– Я тебя понял, – перебил Козырев и продолжил: – Отправь кого-нибудь из своих к эксперту за заключением, тот обещал к вечеру сделать, а время уже сам видишь.

– Сейчас организую. Слушай, так ты думаешь, та кровь у нее на белье – это она припрятала как доказательство лишения девственности?

– Ну, то, что это было не против ее воли, точно факт, а вот хранить белье окровавленное – мне не совсем понятен смысл.

– Слушай, в тот день, когда пришла мать погибшей, я ведь спрашивал в первую очередь: если не у подруг осталась с ночевкой, то, значит, у парня, но мать заявила, что никакого парня у ее дочери нет.

– Думаю, мать о нем просто не знала. Поэтому и утверждаю, что, скорее всего, это взрослый мужчина и при деньгах. Надо подруг дожимать, они точно знают, но почему-то скрывают.

– Может, бояться чего?

– Может, и бояться. Игорь, мне надо уехать, завтра тогда обсудим все, что у нас есть. Хотя что у нас есть...

– Добро.

Козырев вышел на улицу и подкурил сигарету, после чего сел в машину и тронулся с места. Доехав до перекрестка, он замешкался, не зная, какой поворотник включить, и, как только послышался звук сигнала позади, повернул направо. Через несколько улиц Козырев подъехал к своему дому.

Во дворе пес разрывался лаем в своем вольере. Пройдя в дом, Козырев понял, что никого нет. Он зашел на кухню и осмотрелся: в раковине была гора посуды и кусок мяса, видимо уже размороженный, так как имел кровавые подтеки. На столе остатки какой-то еды и три рюмки, тут же на полу опустошенная бутылка коньяка. Козырев поднял голову – вокруг одинокой лампочки в центре потолка летали мотыльки. Козырев достал из холодильника кастрюлю с остатками супа, немного подогрел, добавил хлеба и вынес псу на ужин, после чего вернулся в дом, выключил свет, закрыл дверь и вышел за двор. Глянул по сторонам и направился в конец улицы. Пройдя несколько домов, остановился у нужного и посмотрел на окна. После чего сделал пару контрольных стуков и вошел.

Еще с улицы из открытых окон были слышны голоса и музыка – все было понятно, но Козырев не хотел никакого общения и выяснения, он хотел лишь одного – забрать детей и пойти домой спать.

За столом кроме хозяйки сидели какая-то малознакомая женщина и жена Козырева. Стоя в дверях, Козырев посмотрел на жену, и та воскликнула:

– Вы посмотрите, кто пришел! А что случилось, дорогой? Ты решил сегодня не трахать свою официантку? И вспомнил вдруг о семье?

– Нон, где дети? – Козырев старался держать себя в руках.

– Дети? Ты вспомнил про детей?

Козырев развернулся и направился в соседнюю комнату, откуда доносились крики детворы и звуки громко работающего телевизора. Едва он туда вошел, к нему подбежала старшая дочь с криками: «Папа, папа приехал!» София была похожа на девочку из рекламы сока, которую регулярно показывали по ТВ: такие же голубые и добрые глаза, светлые волосы и широкая улыбка. Обняв отца, дочка подняла голову и произнесла:

– Ты помнишь, что я скоро иду в школу?

– Конечно помню!

– А почему уже всем все купили, а мне нет? У Тани рюкзак, большой, розовый! А мне когда купят? И фломастеры, и краски, и альбом, и пластилин?

– Софи, скоро приедет бабушка и поможет нам собрать тебя в школу. Обещаю, у тебя будет самый красивый рюкзак и самое большое количество цветов у фломастеров. А где близнецы?

– Они спят там, у тети в спальне. Мама опять пьяная?

– Мама просто устала. Собирайся домой.

По дороге к себе жена Козырева кричала и пыталась ударить его по лицу, но попала только один раз – в спину, после чего упала на землю. Козырев донес близнецов до дома и вернулся за женой, которая сидела на дороге, поджав под себя ноги, и рыдала, обвиняя мужа в ее никчемной жизни. Маленькая Софи жалела мать и гладила ее по волосам, пытаясь помочь встать на ноги.

Как только Козыреву удалось уложить жену и детей, он принялся убирать на кухне. После чего постелил себе на диване и сразу же уснул.

Глава 6. Мнимый свидетель

Утром в доме следователя зазвонил телефон. Козырев не сразу сообразил сквозь сон, что происходит, а потом резко вскочил с дивана и поднял трубку:

– Да, слушаю.

– Владимир Алексеевич, убийство тут у нас, подозреваемого задержали.

– Что за убийство?

– Семья местного предпринимателя, Чернышovy. Ночью к ним в дом вломились, в живых дочка осталась, она без сознания была, а потом в себя пришла, позвонила родственникам.

– Скоро буду, адрес знаю.

Козырев положил трубку и обернулся, за спиной стояла София. Убедившись, что отец больше не разговаривает по телефону, девочка подошла к нему, обняла:

– Я сама братиков покормлю, а тебе бутерброд сделаю, только ты чайник нагрей, а то я спичку боюсь.

– Хорошо, дочка. Нагрею чайник и кашу для близнецов сейчас сварю. Мама пусть спит, а я тебе звонить буду, телефон вот на кухне будет стоять.

Маленькая Софи заверила отца, что беспокоиться ему не о чем, и направилась к холодильнику. Козырев помог ей нарезать хлеб и сварил кашу.

После чего, на ходу откусывая бутерброд, залпом выпил остывший чай, схватил ключи от машины, сигареты и вышел из дома.

На улице было комфортно, не так жарко, как в последние дни. Козырев сел в автомобиль, доел остатки бутерброда, отряхнул брюки от крошек и тронулся с места.

У ворот дома, к которому он подъехал, стояли люди, судя по всему соседи, и оперативник, который что-то записывал в блокнот. Подойдя ближе, следователь протянул в ответ руку для приветствия и прошел во двор, где всю уже работала оперативная группа.

– В машине все произошло? – обратился к эксперту Козырев, который обследовал автомобиль убитого.

– Приветствую, Алексеевич. Начали в машине. Здесь хозяину нанесли несколько ударов, остальным жертвам уже в доме – я туда пока не дошел. У Шмидта спроси, что там у них за картина вырисовывается.

Козырев взял под мышку папку с документами и направился к дому, откуда в этот момент на крыльцо вышел капитан Шмидт, который ему тут же принялся рассказывать:

– Скорее всего, нападающие ждали, когда хозяин откроет ворота и загонит автомобиль, вот и воспользовались возможностью проникнуть во двор. В гараже стоит второй автомобиль, а этот, видимо, все время ставили во дворе под навесом. Главу семейства здесь всего исполосовали, а потом вошли в дом. По предварительным данным жены и дочери до-

ма быть не должно было, но они там были. В общем, женщину избили прямо в прихожей и, так подозреваю, задушили, на шее бельевая веревка, а дочка в комнате спала, проснулась от шума. Ну ее чем-то оглушили, она упала, потеряла сознание. Почему не добились – непонятно. Как только она пришла в себя, тут же позвонила родителям своего отца.

– А сейчас она где?

– В больничку увезли, рассечение у нее, ну и сотрясение, наверное.

– А подозреваемый? Мне сказали, задержали кого-то.

– Одного удалось, он ногу вывихнул, подельники его и бросили.

– Здесь бросили?

– Нет, его же дочка убитых опознала, она и сказала, кто напал. По адресу задержали, а двое в розыске сейчас.

– Допросили?

– Я сейчас в отдел поеду, сам допрошу.

– Хорошо, я тогда пока протоколом займусь, там с улицы понятых бы.

– Сейчас организуем.

Козырев подошел к телу женщины: примерно средних лет, худощавая, ухоженная, даже следы асфиксии не испортили ее внешний вид. Следователь прошелся по комнатам, где работали оперативники, и вернулся в прихожую. У входной двери висели зеркало и полка с разными предметами женского предназначения, среди которых Козырев заметил фла-

кон духов в форме губ. Открыл крышку, поднес к носу, вдохнул запах, поставил все на место и вышел на улицу.

У автомобиля лежало тело мужчины, под которым растекалась лужа крови. Козырев, сев рядом с экспертом, поинтересовался:

– Шансов я так понимаю, у него не было?

– Правильно понимаете, товарищ следователь, не было. Так всего затыкали – живого места не осталось. Супругу вон, нелюди, задушили.

– Видел. Дочь, на удивление, выжила.

– Выжила, это уже ваша работа – выяснить, почему так получилось. А по своей работе я вам все подготовлю – не сегодня, так завтра. Сами знаете, холодильники в нашем разваленном морге не работают, тела завтра родственникам уже отдадут для захоронения.

Эксперт вернулся к осмотру, а Козырев, все еще ощущая запах духов, попытался сосредоточиться на своих записях.

К обеду тела погибших увезли, и Козырев вскоре тоже покинул место происшествия. Остановившись в центре города на светофоре, он подумал, что надо бы пообедать.

Подъехав к кафе, Козырев глянул на вход и переключил передачу на задний ход, но не успел тронуться, как к машине подошла девушка. Она провела указательным пальцем по капоту и, подняв его вверх, пристально посмотрела на Козырева через ветровое стекло. После чего открыла дверцу и уселась на пассажирское сиденье, повернулась к Козыреву

и произнесла:

– Обычно ты такой пыльный бываешь, когда со мной за город выезжаешь, чтобы заняться сексом. – Она потянулась к его лицу. – Ты заблудился?

– Вик, ты-то хотя бы не начинай. Знаешь же, что в городе произошло.

– Я знаю только то, что твоя пьяная жена опять ко мне приходила. Я же просила, я же неоднократно просила сделать так, чтобы она здесь никогда не появлялась. Мне проблемы на работе не нужны.

– Я поговорю с ней сегодня, обещаю.

– Ты это уже обещал. Я хочу понять, услышать от тебя: кто я для тебя? Ты зачем опять приехал? Думаешь, мне легко тебя видеть?

– Пообедать.

– Кто бы сомневался, вот ты весь такой!

– Какой?

– Непробиваемый! Бессердечный! Тебя только еда и секс со мной всегда интересовали! И это твое полное безразличие к моим чувствам – как можно быть таким?

– Каким?

– Ты издеваешься? – выпалила девушка и заплакала.

– Вик, извини. Я правда думал о тебе, просто сейчас все навалилось. Я не хочу тебя загружать своими проблемами, поверь, их хватает. Но зачем искать причины и повод для ссор, ведь мы и так редко видимся. Я тебе обещаю, что скоро

все изменится.

– Редко видимся? А ты женись на мне, будем чаще встречаться! Я никуда переезжать не буду. У меня здесь мать больная, работа, да и вообще хоть какие-то люди, которые обо мне беспокоятся больше, чем ты!

– Если ты все решила, пусть будет по-твоему.

– Вот ты весь такой, никогда не пытаешься успокоить, уговорить, убедить, объяснить, в конце концов! Скажи, я тебе нужна?

– Я же тебе уже говорил.

– И снова ты вокруг да около! Все из тебя вытягивать надо.

– Что ты хочешь от меня? Я ничего не обещал. Вспомни, ты сама говорила, что тебя все устраивает. Ты знала, что у меня есть жена, дети. Вик, я хочу просто нормальной жизни, без всех этих головняков. Мне работы хватает, а тут еще вот это все. Ну давай, ты же взрослая девочка: не хочешь, чтобы я приезжал, так скажи, это не проблема.

Девушка толкнула Козырева и, громко хлопнув дверью, убежала. Козырев закинул руки за голову, а потом провел ладонями по лицу и выдохнул. Подкурив очередную сигарету, завел автомобиль и уехал.

Добравшись до своего кабинета, Козырев положил на стол нарезку колбасы и батон, бросив взгляд на кипу документов. Как найти время, чтобы со всем этим разобраться, он понятия не имел, но понимал, что сроки поджимают, надо все успеть до отъезда. Позвонив домой и убедившись, что

все в порядке, Козырев решил еще раз изучить все заключения и собственные записи по делу о погибшей Ане Кравцовой. Он поочередно просмотрел каждую страницу, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, но ничего не складывалось. Встав из-за стола, он подошел к окну и взял в руки зажигалку, но тут постучали в дверь.

– Можно? – В кабинет заглянула женщина.

– Да, входите, – ответил следователь, убирая в сторону сигареты.

– Я классный руководитель Ани Кравцовой, директор сказала, чтобы я с вами пообщалась.

– Присаживайтесь. Меня Владимир Алексеевич зовут.

– Очень приятно, а я Марина Викторовна.

– Взаимно, Марина Викторовна, расскажите мне про подруг Ани. В частности, меня интересует Наташа Попова – они же одноклассницы с Аней были и дружили?

– Да, верно. Про Наташу особо рассказывать нечего. Успеваемость ниже средней, интереса к учебе не проявляет, но педагоги от нее ничего сверхъестественного и не требуют. Четверти закрываются, годовые оценки выставляются. По предметам, что попроще, иногда бывают четверки, а с такими науками, как математика, вытягиваем как можем.

– Если девочка не особо любит учиться, зачем она в старшие классы пошла? Можно было бы в ПТУ, получить профессию продавца, к примеру, и идти работать.

– Училище для Наташиной семьи – это не престижно. Я

думала, вам сообщили.

– Что именно?

– Мама Наташи в администрации города работает. Наша школа от этого имеет некие привилегии: ремонт там, к примеру, или закупка спортивного инвентаря, или вот на экскурсии транспорт предоставить. Поэтому мы стараемся особо девочку не дергать. Ну не дано ей, понимаете? Она ведь себя даже в каких-то творческих направлениях не проявила. Аня у нас была умница и красавица, с Наташей подружились классе в шестом, она ведь новенькая была: мама у Ани учитель английского, перевелась к нам в школу, и дочка ее.

– Понятно. И первой, кто к новенькой проявил интерес, была, значит, Наташа?

– Да, стали они вместе на уроках сидеть, в буфет ходить. У нас в школе есть некие льготы для учительских детей: талоны на питание или булочка с компотом в буфете – зарплаты сейчас задерживают и... в общем, а Наташа всегда имела карманные деньги и как-то этим кичилась, что ли.

– Что делала, простите?

– Ну гордилась, что деньги есть, точнее, что всегда может позволить себе купить любые продукты в буфете, не по талону порцию, как Аня, к примеру. Наташа раньше так себе подруг искала: возьмет девочку какую-нибудь и в буфет с ней. Купит ей корзиночку с белковым кремом, угощает и спрашивает, будет ли она с ней дружить. Но как-то ни с кем у нее дружба не складывалась, а вот с Аней вдруг сошлось. Не мо-

гу сказать, что Аня бедствовала и ей нужны эти корзиночки были, но вот приняла она Наташу характерную, потому что сама Аня характером мягкая была.

– Получается, Наташа всем обеспечена и находится под покровительством влиятельной матери?

– Можно и так сказать.

– А скажите мне, Марина Викторовна, были ли у девочек парни?

– Не уверена. Вы знаете, Аня ведь девочка привлекательная... извините, была. Мальчишкам она, конечно, нравилась. Ее издали видно было в школьном коридоре, фигура такая точеная, как у мамы, лицо приятное, голос, манера общения. Но, как Тамара Александровна говорила, Аня вся в учебе. У них такие планы были грандиозные.

– А Наташа? У нее как с мальчиками?

– Не могу ничего сказать. Популярностью у противоположного пола Наташа точно не пользуется. Хотя она в этом, может, и заинтересована, но вы же видели ее. Я не пытаюсь обидеть Наташу, но сказать, что она привлекает внимание, не могу.

– Я вас понял. А вот есть еще девочка, соседка Ани.

– Вера? Она на год младше, после девятого класса поступила в колледж, который у нас в соседнем городе открыли. Девочки общались вне школы, я так понимаю, раз соседками были. У Веры своя компания друзей, есть и старшие ребята, которые уже давно школу окончили, ученики мои, но плохо-

го ничего сказать не могу. Слушают какую-то свою музыку, тяжелую, невыносимую просто. А что выпивают и курят – так сейчас вся молодежь у нас употребляет. Им же кроме как выпить больше заняться здесь нечем. Все в городе развалилось, раньше кинотеатр был, в музей ходили, на разные...

– Давайте не будем про раньше. Я знаю, что сейчас происходит у молодых, и очень хочется верить, что жизнь у них все же сложится. У меня к вам еще один вопрос: замечали ли вы у Ани и Наташи вещи одинаковые, ну, может, там юбки или куртки?

– Ой, вы знаете, сейчас девочки так хитрят, но это и в мое время было. Одеждой меняются. Сами понимаете, богатым гардеробом не каждый располагает, вот они и находят выход из ситуации: одна кофточку даст, взамен юбочку получит, с другой платьем и джинсами обменяется.

– Интересную вы мне информацию поведали про гардероб, не знал. Спасибо, что нашли время и смогли со мной пообщаться.

– Мне совершенно не сложно было приехать, главное, чтобы это хоть как-то помогло в расследовании. Тамара Александровна совсем плохая, говорят. Каково это матери, детей своих пережить, врагу не пожелаешь. Вы найдите виновных, телефон мой у вас есть, если что еще потребуется – звоните.

– Буду иметь в виду.

Козырев проводил женщину до дверей и вернулся к окну, чтобы наконец покурить, но в дверь снова постучали и вошел

Шмидт. Капитан подошел к Козыреву, достал свои сигареты и произнес:

– Чету Чернышовых убил несостоявшийся их зять. Парень из простой семьи влюбился в девушку, но она его отвергла. Да понятное дело: дочь богатых родителей, медалистка, студентка медицинского университета. Семье девушке, конечно, такой бесперспективный не нужен был. Она с ним как вроде просто общалась, а он себе нафантазировал. Мать предпринимателя говорит, он внучке обещал, что разбогатеет и придет свататься. А обогатиться наш парень решил вот таким способом – ограбить семью девушки.

– Нормальный он способ придумал, а действительно – чего голову ломать. А тех двоих, кто с ним был, нашли?

– Нашли. Вся троица у нас. На выезде из города их перехватили. Украли у соседа машину, тот заявил об угоне, сообщил даже кто. Подельникам наш жених обещал много денег и безнаказанность, но просчитался. А сейчас с нами пытаются договориться: мол, он знает, кто Аню Кравцову убил.

– О как!

– Он нам сведения, а мы ему сам знаешь что!

– Максимум, на что он может рассчитывать, так это трехразовое питание и хорошее отношение до вынесения приговора.

– Думаешь, блефует?

– Не знаю, может, он что-то и знает. Надо подумать, каким образом из него вытянуть информацию – надеюсь, она будет

полезной.

– Хочешь пообщаться?

– Мне же все равно с ним диалог вести. Хотелось бы верить, что он не мнимый свидетель.

Глава 7. Подозреваемый

После сложной недели наконец наступили выходные, но Козырев не особо был им рад – субботним утром на вокзал прибыла теща. Чтобы не сталкиваться с матерью своей жены самому, он договорился с соседом, который подрабатывал извозом. Сам же Козырев собирался провести этот день на работе, надеясь все разобрать и подготовить основные дела для передачи, чтобы можно было со спокойной совестью уехать на новое место. Но вот дело под номером тридцать девять не давало ему покоя. Открыв папку и глядя на фото погибшей Ани Кравцовой, следователь силился понять, за что так зверски расправились с совсем юной девушкой.

Убрав в сторону все документы, Козырев посмотрел на часы и, придвинув к себе телефон, набрал номер кафе, где работала Вика.

- Кафе «Золотое руно», – произнес знакомый голос.
- Вик, это я.
- Чего тебе?
- Встретиться надо, это серьезно.
- Хорошо, приезжай, пока нет людей. Вечером, сам знаешь, давка будет, сегодня День строителя и десантника отмечают.
- Я думал, завтра, говорили вчера на работе. И день ВДВ

второго августа, разве нет?

– Завтра воскресенье, послезавтра всем на работу, поэтому пить начинают уже сегодня! А голубые береты с понедельника флагами своими машут в тельняшках!

– Хорошо, скоро буду.

Козырев, положил трубку и уже вышел было из кабинета, но остановился и вернулся назад, чтобы взять с собой список друзей Ани.

У главного входа в кафе стояли двое молодых парней в тельняшках и беретах. Козырев прошел мимо них внутрь. Оглядевшись по сторонам, выбрал столик у окна, как обычно, и стал изучать меню, которое знал наизусть. Спустя пару минут к нему подошла Вика и спокойным тоном спросила:

– Что будешь?

– Давай как обычно.

– Хорошо, сейчас вернусь.

За соседним столиком в компании двух взрослых мужчин сидела молодая девушка. На столе стояла бутылка водки и закуска в виде шашлыков и овощей.

– Сейчас все приготовят. Пить будешь? – поинтересовалась вновь подошедшая Вика.

– Нет. Может, вечером, сейчас просто поем. Я гляжу, у вас уже гости, несмотря на столь ранний час.

– Одни и те же рожи. Вон, видел, десантники профессиональный праздник отмечают, уже шестые сутки подряд по улицам бродят, впрочем, как обычно.

– Видел, у входа столкнулся. А эти? Ну вон, что с девочкой сидят.

– Очередные дальние родственники хозяина, черти, одним словом. А девчонку я знаю, она из бараков, родители пьющие, старший брат сидит, двух младших опека забрала, а эта вон в свои тринадцать уже раба любви.

– Вик, помоги мне.

– Ты просишь о помощи? Ничего себе! Сам Козырев!

– Не кричи, мне правда нужна твоя помощь.

– Ну, смотря о чем просить будешь.

– Я про Аню Кравцову, которую убили в прошлые выходные.

– Слышала, но я ее не знаю. И здесь она никогда не появлялась. Это точно.

– У меня список есть, фамилии и имена тех, с кем Аня общалась: вот те, которые обведены, – это близкая подруга и девочки, с которыми Аня чаще всего контактировала.

– Наташа Попова – даже не знаю, кто это.

– Ее мать в городской администрации работает.

– Ни о чем не говорит. Ну как бы знаю, есть такая шишка, и все.

– А по остальным в списке?

– Ну, вот эти двое – тут помечено, что одноклассники – здесь бывают редко, в основном сидят у себя на районе; я знаю, потому что там живу. Обитают в квартире одной дамы, у которой муж на заработках чаще всего, а она моло-

дых пацанов принимает, говорят, первому опыту обучает, не знаю подробности.

– А вот другие парни в списке – ученики музыкальной школы, написано.

– Ты смеешься? Тут таких отмутузят, живого места не останется. Вот этот Толик лоб такой, а до сих пор с бабушкой за руку ходит.

– За что их бить? И откуда ты их знаешь?

– Скрипачи они! У тебя список кого? Одноклассников и тех, с кем Аня в музыкалку ходила, в ансамбле состояла к тому же. Они на всех мероприятиях выступали, у нас тут что ни день, то праздник, лишь бы повод был. Откуда я их еще могу знать! Ну ты даешь! Местные знаменитости, так-то. Живем в провинциальном городке, все друг друга знают. Аня твоя в прошлые выходные должна была на сцене перед железнодорожниками стоять, а не... в общем, ты понял...

– Понятно, – протянул Козырев и подвинул к себе тарелку с пельменями, которую подали во время разговора.

– А вот эта Вера, она вообще с неформалами тусит на забытых стройках, – продолжала Вика. – Постоянно в заброшках торчат. Сосед мой, он же помешан на этой дичи, музыку слушает специфическую, весь дом жалуется, но сейчас время такое, мода пошла.

– А про Аню ты можешь что-нибудь сказать?

– Честно? Ничего. Я ее знаю, как и все остальные в моем окружении: девочка домашняя, умница, красавица, отлич-

ница, мелькала в местной газете – говорю же, в ансамбле она была, в нашем местном.

– Вик, у нее в личных вещах духи нашли, ну те, про которые ты мне говорила.

– «Сальвадор»?

– Да, кажется, так называется, там флакон в виде губ. Они же дорогие, откуда у школьницы деньги на такие духи?

– Может, родители подарили?

– Нет, мать у нее учительница, отец простой рабочий.

– А, ну да, мать этой Ани я знаю, она же вроде готовит учеников для поступления. Ну что ей там платят за частные уроки – огурцами, мясом, яйцами, ну, может, и деньгами, но не такими, чтобы дорогой парфюм покупать. Ты прав, значит, не родители.

– Там помимо парфюма покойная еще зачем-то собирала обертки от шоколада. И подписывала их.

– Обертки? Шоколад в наше время роскошь, не все могут позволить, тем более импортный. Слушай, духи и шоколад, если не она себе, так, значит, мужчина покупал – понятное дело. И потом, эти духи больше взрослой женщине подходят.

– Я тоже так считаю, что мужчина, причем обеспеченный.

– Ну а чего голову ломаешь? Ты знаешь, кто у нас в городе обеспеченный и даже сверх того – по пальцам пересчитать можно.

– По пальцам, говоришь? Можно, конечно, но ты же знаешь: два крупных предпринимателя из русских, из которых

одного убили вот, остальные – несчастные беженцы из Чечни, у них там война, а здесь они бизнес делают, а те, кто на руководящей должности, так из них песок сыпется, в женихи точно не годны, да к тому же семейные они.

– Песок, может, и сыпется, так у них сыновья есть – местную золотую молодежь все знают. Про иностранцев же могу так сказать: наши девки с ними гуляют, конечно, но это не про Аню точно. А про семейные узы даже не зарекайся, ты сам-то тоже хорош, не особо тебя брак-то смушал, когда со мной роман крутить начал!

– Вик, ты же знаешь мою ситуацию, мы это уже много раз обсуждали. Нонна, она... в общем, с ней тяжело.

– А зачем женился?

– Ты знаешь, не начинай!

– Это твой выбор был, но она тоже хороша. Погиб жених, она к тебе прибежала с брюхом, а ты же у нас герой нашего времени! И дочку принял как родную, и еще двоих заделали.

– Зачем ты опять об этом? Я же просил.

– Ладно, не будем о грустном, а про мужчину так скажу: будь он русским и молодым парнем, не стала бы его девчонка-школьница скрывать, значит, он далеко не молодой и, возможно, не русский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.